

Человек в «Максимах» Ларошфуко
Аль-Фарадж Елизавета Абдуллаевна
студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Философский факультет, Москва, Россия
E-mail: evridika_86@mail.ru

Один из знаменательных поворотных этапов для Западной Европы – 40-50-е годы XVII столетия. Давно назревавшие конфликты прорываются наружу в виде мощных социально-политических сотрясений. Ощущение всеобъемлющего кризиса было свойственно как современникам происходящих событий, так и людям последующих десятилетий. Крупнейшие достижения западноевропейских литератур второй половины века в своем содержании так или иначе были связаны с драматическими событиями середины века. Многочисленные подтверждения этому тезису мы имеем и на французском материале. Ощущением краха героического идеала в его гражданско-государственной и в его рыцарско-галантной форме проникнуты все значительные литературные произведения 60-х годов XVII века: трагедии Расина, басни Лафонтена, комедии Мольера, «Мысли» Паскаля, это важная тема и в «Максимах» Ларошфуко. Формирование мировоззрения Ларошфуко происходило в основном в годы Фронды. Его личные впечатления и политический опыт получили отражение в «Мемуарах», писавшихся в 1652-1656 годах, а философское осмысление произошедшего – в «Максимах».

Однако так и не было дано ни одного всестороннего художественного синтеза того большого многострадального опыта, который заключал в себе период Фронды. Причину этого следует искать и в чрезвычайной противоречивости движения, и в той политической обстановке и духовной атмосфере, которая установилась в стране после окончания кризиса. Осмысление событий Фронды в значительной степени предопределило антиномичность взглядов Ларошфуко, недаром первое издание «Максим» вызвало самые разноречивые отклики.

На страницах «Мемуаров» сквозит разочарование автора в своих соратниках: свои частные интересы они ставили выше интересов страны, поэтому, как только их личные амбиции были удовлетворены, они забывали об общем деле. Из своего жизненного и политического опыта Ларошфуко сделал вывод общефилософского характера: люди не могут бороться ради принципов, главное для них – личная выгода, свой личный горький опыт, разочарование в своих соратниках-фрондерах Ларошфуко переносит на человека вообще – так материал «Мемуаров» послужит основой для написания знаменитых «Максим».

Каков же человек у Ларошфуко? Тон всей книги задан уже эпиграфом: «Наши добродетели – это чаще всего искусно переряженные пороки». Таким образом, по мысли Ларошфуко, и у добродетелей, и у пороков должна быть некая единая основа, ее он и пытается отыскать. Добродетель предполагает способность творить свою судьбу, следовать велениям разума, ставить общие интересы выше собственных, совершать бескорыстные поступки; соответственно источником пороков является себялюбие, власть страстей над разумом, душевная лень. С этой точки зрения эпиграф приобретает следующий смысл: человек не способен властвовать над самим собой, руководствоваться в своем поведении требованиями разума, он – раб страстей, игрушка в руках судьбы и обстоятельств, а единственной основой его поведения является себялюбие. Тем самым Ларошфуко отрекается от стоического идеала, который ему кажется слишком оптимистическим – слушkom уж стоики верили в способность человеческого разума преодолевать веления страстей. Ларошфуко настаивает на бессилии человека против власти страстей, на его слабости перед лицом обстоятельств: «Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией» (максима 22), «Невозмутимость мудрецов – это всего лишь умение скрывать свои чувства в глубине сердца» (максима 20).

Разум человека не способен руководить его поступками (« У нас не хватает силы характера, чтобы покорно следовать всем велениям рассудка», максима 42), а страсти рождаются в нас против нашей воли и тлеют вопреки нам: «Долговечность наших страстей не более зависит от нас, чем долговечность жизни» (максима 5). Человеческий разум не действует как

независимая и непогрешимая способность, напротив, он находится в сфере влияния различных сил. Вместо того чтобы быть законодателем наших поступков, разум чаще всего служит для того, чтобы оправдывать наши желания, влечения и стремления. Об этом гласит знаменитая максима номер 102: «Ум всегда в дураках у сердца». Тайные движения нашей души ускользают от разума, и нам кажется, что мы следуем разуму, в то время как на самом деле мы влекомы сердцем.

Поскольку все добродетели – переряженные пороки, а «ложь иной раз так ловко прикидывается истиной, что не поддаться обману значило бы изменить здравому смыслу» (максима 282), то мнимые добродетели тем самым реабилитированы. Какими бы иллюзорными они не были, они столь походят на настоящие добродетели, что от них можно ждать того же результата, как и от добродетелей истинных. С этой точки зрения поступать добродетельно – значит поступать с полным осознанием того, что не бывает исключительно добродетельных поступков, совершаемых ради добродетели самой по себе, и что во всякий добродетельный поступок как необходимая его составляющая входит крупица себялюбия, тщеславия, гордости. Поэтому чрезвычайно важна следующая максима: «Пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств; благоразумие (*prudence*) смешивает их, ослабляет их действие и потом умело пользуется ими как средством против жизненных невзгод» (максима 182). Благоразумие у Ларошфуко устанавливает равновесие между силами и склонностями души, контролирует их. Однако эта способность склонна к огрехам, сфера ее применения имеет свои пределы. Противовесом благоразумию служит безрассудство (*folie*): «Кто никогда не совершал безрассудств, тот не так мудр, как ему кажется» (максима 209).

Очевидно, что представление о человеке у Ларошфуко коренным образом отличается от героического идеала середины века. Если раньше жила уверенность, что зло и порок будут в конечном итоге преодолены, то у Ларошфуко даже в основе добродетелей лежат пороки. Особенно отчетливо отрицание героического выражается у Ларошфуко в теме презрения к смерти. Если следовать логике «Максим», то получается, что гордого равнодушия к смерти не бывает, а если оно и встречается, то является неискренним. Человек беспомощен перед напором страстей, перед которыми не может устоять ни разум, ни воля. Ларошфуко вскрывает слабость человека, испорченность его природы.

Таким образом, мы проследили формирование мировоззрения Ларошфуко, обратили внимание на то, какое влияние оказали на его видение мира события Фронды, бывшие рубежом не только в истории страны, но и важным этапом, определившим мироощущение людей. Если в первой половине века воинские и рыцарские доблести дворянства остаются основным источником для создания в литературе образа «героя», то после событий Фронды, когда идеалы предшествующей эпохи на деле показали свою несостоятельность, на смену героической личности выступает более умеренный идеал «порядочного человека» (*honnête homme*). Свою лепту в создание этого идеала вложил и Ларошфуко, разоблачая своими «Максимами» «героическое» в человеке.

Литература:

1. Бахмутский В. Пороги культуры. М., 2005.
2. Виппер Ю.Б. Влияние общественного кризиса 1640-х годов на развитие западноевропейских литератур XVII в.// Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти академика Н.И.Конрада. М., 1974.
3. Ларошфуко. Мемуары. Максимумы. Л., 1971.
4. Обломиевский Д.Д. Французский классицизм. М., 1968.
5. Разумовская М.В. Ларошфуко, автор «Максим». Л., 1971.
6. Hippau L. Essai sur la morale de La Rochefoucauld. Paris, 1967.